

То ли меня в суматохе оттолкнули, то ли я сам отлетел к борту, чтобы не мешать – уж не помню. Казалось, мои товарищи вмиг обратились в единое существо со многими ногами и руками. Это существо споро и слаженно делало одно дело: доставало со дна лодки, быстро собирало и ставило на воду маленькие – странно, что я сразу не заметил их под ворохом сетей – каяки! В сложенном виде они походили на доски, обтянутые кожей, и потому не привлекли моего внимания. Но потребовалось всего пара движений, чтобы плоская конструкция обрела обтекаемую рыбообразную форму с дыркой сверху. Вот первый каяк уже спущен на воду; его для устойчивости держит руками Гор. Треххвостый, опираясь на борт – остальные двое в этот момент что есть силы откренивают другой, чтобы лодка не перевернулась – ловко ныряет ногами вперед в кожаный зев. Еще одно движение – и на его поясе затягивается шнурком «труба», которая не даст воде проникнуть внутрь. Чит быстро подает ему лук и колчан со стрелами, которые тут же оказываются прицепленными у него за спиной... Увы, я соображаю медленнее, чем Треххвостый облачается, и еще медленней и тяжелей тащится за ним мой неповоротливый рассказ. Вот Треххвостый уже всю работу делает веслом, несясь наперерез катеру, который теперь отчетливо виден в дымке горизонта. И он там не один: ревут, подобно стае морских драконов, еще с десятков его товарищей. Но и Треххвостый не одинок. Маленькие точки каяков, как семена, высыпаются из всех лодок. В нашей лодке остались только мы с Читом: Многокосый и Гор прыгнули в воду вслед за командиром. За пару минут каяков вокруг становится так много, словно море разом породило толпу водомеров. Весла в руках гребцов мелькают, как крылья птиц, и они вытягиваются длинной широкой цепью на пути катеров.

Катера, должно быть, замечают их не сразу. В сияющих солнечных бликах трудно заметить точку, едва возвышающуюся над волной. Сначала они в нерешительности притормаживают. Потом решают обойти внезапное препятствие. Но препятствие постоянно движется и меняет конфигурацию: за минуту слой каяков уже окружает врага полукольцом. Тогда слышится новый рев моторов. Катера, подпрыгивая, бросаются напролом. Наверное, они ждут, что каякеры в панике разбегутся. Но все происходит иначе. Угадав направление первого катера, ближайшие к нему бойцы устремляются плотной группой навстречу. Вместо того, чтобы легко отбросить их бортом, катер с разбегу увязает в трясине из каяков и людей. Скорость мгновенно падает. Я успеваю увидеть, как пара сабинян затягиваются под днище. Но зато трое других, успев выпрыгнуть из пут своих каяков, цепляются за нос катера. Секунда, и они уже наверху, а вот уже и перебрались в кабину. Катер пролетает мимо нас, но вскоре останавливается: мотор захлебывается и глохнет. Я со своего места вижу, почему: кабина вся облеплена темными фигурками. Я хватаю весло и гребу вдогонку, забыв даже предупредить Чита. Да это и не нужно: он действует синхронно со мной. Для нас двоих лодка тяжела и неповоротлива; хотя мы выбиваемся из сил, но двигаемся очень медленно. За это время вдоль лагуны останавливаются еще несколько катеров. Они тоже увязают в скоплении каякеров. Слышатся выстрелы. Я вижу, что с дальнего катера кто-то падает в воду. Наш или враг? На ближайшей посудине суета; там идет борьба за двигатель. Пока одни воины нейтрализуют экипаж, другие пытаются ломать мотор, чем придется. Со всех сторон слышатся крики. Но это крики врагов: наши, как всегда, действуют молча.

Вражескую «эскадру» (они и вправду так себя называли, как я позже узнал) удалось остановить примерно на одной линии в километре от берега. Мы с Читом, обессиленные, наконец-то добрались до ближайшего катера. Наверху, у рубки, я увидел Треххвостого. У его носа и рта были кровоподтеки. Утираясь, он случайно размазал кровь по лицу и приобрел от этого действительно свирепый вид. Стоя на коленях, они с Гором удерживали двух лежащих и истощенно орущих парней. Один был смуглый и курчавый – может, араб, а может, и итальянец. Второй – негр. Руки у обоих были связаны сзади, но они еще брыкались и выкрикивали угрозы – частью по-английски, частью на каких-то своих языках. Заметив нас, Треххвостый сделал Читу знак и сразу толкнул своего пленника в воду. Гор секунду спустя сделал то же самое. Оба

парня с криками рухнули с трехметровой высоты, подняв тучи брызг. Я тоже завопил от страха: они же связаны, они сейчас утонут! Но в следующий миг между нами и катером из воды вынырнула фигура, оказавшаяся... каякером. Должно быть, он переворачивался под водой, а в брызгах я не заметил дна каяка. Он подхватил под плечо одного из пленников и поднял так, что голова его оказалась над поверхностью. Чит, в свою очередь, просунул весло в то место, где бултыхался, пытаюсь удержаться на воде, второй (это как раз был негр). Подтянув к борту, он привязал его так, что наверху были только голова и грудь. Теперь они уже не кричали: наглотавшись воды и почувствовав страх утопления, оба присмирели. Тут вдали снова послышался шум. Что это? Соседний катер вдруг начал разгоняться. Прищурившись, я увидел, что наших солдат на нем больше нет. Враги их сбросили? Видимо, да: на волнах покачивались несколько голов вперемешку с еще прежде брошенными перевернутыми каяками. Катер сделал судорожный поворот, зацепляя людей, каяки и лодки, попытался проехать в сторону берега, но затем, одумавшись, резко переложил курс в открытое море. Должно быть, капитан понял, что остался один и что операция провалена. Но пока он выполнял эти маневры, разорванная оборона успела консолидироваться. Я с изумлением увидел, как из волн возникают с десятков человек в каяках. Только что их там не было! Может, катер перевернул и притопил их, но бойцы не стали выбираться из каяков, чтобы те не потеряли плавучесть, и каким-то удивительным образом поднялись на поверхность вместе с ними? О том, что перевернутый каяк можно возвращать в исходное положение с помощью весла, я знал и раньше. Но представить, что утопленный килем большого катера гребец может всплыть, сохранив при этом и свое суденышко, и боеспособность – этого я представить не мог. Но они разом выскочили, как поплавки, и один из них – даже не встав как следует – успел уже натянуть тетиву лука. Тем временем катер набрал скорость, и теперь шел прямо на них. Трое сабинян снова, как по команде, перевернулись, оставив в волнах донышки каяков. Мгновение спустя катер подмял их под себя. Но оставался еще четвертый – тот, кто натягивал тетиву. Он спустил ее, и тут же был погребен под несущимся носом катера. Мне показалось, я услышал треск его костей... Но может быть, то трещало лобовое стекло кабины, куда ударилась стрела. Сквозь шум послышался крик. Катер подпрыгнул и резко развернулся, а затем встал. Мотор еще покряхтывал, слабея, но вести судно было уже некому. Из кабины доносились хриплые проклятия. Там еще был один живой моряк, но он явно предпочитал сдаться. Второго убило стрелой в голову.

Я даже не заметил, что мы подплыли вплотную к этому катеру. Сквозь разбитое и забрызганное кровью стекло виднелся темный неподвижный предмет. Это был мертвый капитан, упавший на руль. На борт уже взобрались наши. Среди них был Многокосый: сейчас он деловито выгребал из кабины живое тело второго диверсанта. Тот, хоть и был невредим, совершенно не сопротивлялся. Многокосый быстро стянул ему запястья добытой откуда-то веревкой и, гортанно крикнув вниз, пнул его ногой с палубы. Утонуть он тоже не успел: его подхватили гребцы одной из лодок. Тут я вспомнил о нашем собственном пленнике и с тревогой перегнулся через борт. Привязанный негр был на месте. Кажется, он чувствовал себя сносно. Он уже давно не кричал, наблюдая за происходящим испуганно округлившимися глазами. Да и никто уже не кричал. Привязанные к бортам «десантники» – а они постепенно все перекочевали на лодки – заботились лишь о том, чтобы, когда набегала волна, успеть кое-как поджаться повыше, чтобы она их не захлестнула. Это грешно, но, каюсь, при виде их испуганных ерзаний я испытывал злобное удовлетворение. К счастью, сабинянам подобное не было свойственно. Они стремились поскорее покончить с хлопотным делом и «очистить территорию» (точнее, акваторию) от последствий боя. На катера поднимали наших раненых (увы, их тоже оказалось немало). Многокосый, бесцеремонно отодвинув тело капитана и кое-как обтерев рулевую панель, принялся заводить мотор. Я чуть было этому не удивился, но вовремя вспомнил, что сабиняне все умеют делать лучше нас – и стрелять из лука, и пахать землю примитивным плугом, и водить наши же машины, и философствовать. Это только

офисный планктон из мегаполисов умеет пользоваться лишь тем, что ему поднесли на блюдечке... Многокосый, впрочем, тоже разобрался не сразу. Потребовалась помощь Треххвостого. Он, как выяснилось потом, прежде уже перегонял трофейный катер. Наконец, мотор заурчал и неуверенными толчками начал заворачивать к берегу. Эгр на ходу спрыгнул в воду – конечно же, это был красивый прыжок «рыбкой», который привел бы в восхищение праздных зрителей, буде они здесь – и погреб назад к первому катеру. Дальние катера тоже начинали двигаться (как потом оказалось, было взято в плен целых восемь штук; и то это были еще не все, потому что три экипажа испугались и своевременно сбежали). Борт нашей лодки качнулся. Чит отвалился в противоположную сторону, и к нам забрался Гор – мокрый, как рыба, и дрожащий от холода. Щека была глубоко расцарапана чем-то острым. Помимо этого, кровь сочилась из-под рукава на предплечье.

- Может, перевязать? – спросил я.

Гор пожал плечами. Я бросился к нашему складу, раскопал снасти, раскидал рыбу и нашел свиток относительно свежей тряпицы. Не знаю уж, что было лучше с точки зрения дезинфекции – перевязывать этим клочком или оставить так, но мне было тяжело смотреть на кровоподтек, и я пошел у себя на поводу. Гор не возражал. Видно было, что он устал. Несмотря на привычный (я бы сказал, будничные) героизм, боль и утомление давали о себе знать. Пока вокруг рассаживались по лодкам, он перекликался то с одним, то с другим. Как я догадался, он ищет гребцов нам в помощь. Нас теперь осталось только трое, а с учетом его раны и моей слабости – и того меньше. Треххвостый, который уже завел катер, притормозил, проходя мимо нас.

- Чке унте рх? – крикнул он, показав на свою корму.

Там лежали свернутые канаты. Видимо, он предлагал взять нас на буксир. В ответ Гор ударил по рукояти весла так, что лопасть взметнула вверх тучу брызг. Немного попало и в лицо Треххвостому. Похоже, предложение о буксире возмутило нашего друга. Треххвостый усмехнулся и дал газу. Странно было видеть его за рулем столь чуждого ему объекта цивилизации, изрыгающего, к тому же, шлейф вонючих выхлопов. Но он прекрасно управлялся. Ей-богу, казалось, что он всю жизнь только и делал, что водил катера!

Я удивленно посмотрел на Гора. На мой взгляд, сейчас было не самое подходящее время для самоутверждения.

- Мы и без того из-за них занесем бензиновую отраву в нашу чистую лагуну, – объяснил Чит, поймав мой взгляд. – Потому кататься на моторах без действительно острой необходимости – грех. Наша лодка доплывет и без помощи катера. Медленно, но доплывет.

И мы действительно доплыли, хотя и самыми последними. Я видел издали, как катера втащили на песок и начали разбирать. Видел, как уносили раненых. Видел, как по одной приставали к берегу наши гребные лодки. Встречавшие их люди помогали выгружать рыбу. А мы все плыли и плыли. Как назло, поднялся ветер от берега. Я и Гор гребли справа, Чит – слева. Гор, хоть и был ранен, почти не утратил сил. Это маленькое «почти» как раз и компенсировали мои слабые руки. По крайней мере, мы шли ровно. Наконец (мне показалось, прошло больше часа), днище нашей лодки заскреблось о песок. Я еле-еле смог вытащить весло и положить под скамью – так сильно затекли мышцы. Покачиваясь, я поднялся и попробовал выпрыгнуть из лодки. Наверное, я бы упал, если бы Чит не помог мне. На берегу нас уже ждали. Несколько человек, среди которых был наш Марино, помогли вытащить лодку. Женщины стали проворно выгребать наш улов в плетеные корзины и вынимать снасти. Не успел я как следует отдышаться, как все было разобрано, а лодка перевернута и унесена под

укрытие в скале. Марино действовал так уверенно, что я догадался – это уже не первая лодка, которую он сегодня принимал.

- Мы с Марком смотрели на вас издали, - сказал он с ноткой зависти, присев рядом на песок. - Я так пожалел, что согласился помогать в лагере! Надо было и мне в лодку проситься.

- Если что, в бою я не участвовал, так что хвалиться нечем, - постарался я улыбнуться. - Да и как от гребца пользы от меня было мало.

- Ну, ты хоть был там. Все видел.

- А как наши раненые? Их много?

- Пять человек. Но, к счастью, легко. Но есть убитый.

- Как это случилось?

- Его товарищи говорят, что он не успел нырнуть под киль катера, как они все умеют. А не успел он потому, что решил выстрелить в капитана и остановить катер.

Я тут же вспомнил туловище в каяке, с отведенным локтем, натягивающим лук, и надвигающийся на него нос огромной железной лодки. Как он выглядел? Видел ли я его раньше? Нет, уже не вспомнить. Но, кажется, у него были темные волосы. И собраны они были в какой-то хвостик... Как печально. Его переломало килем, не иначе.

- Еще один постоялец в пещерном кладбище, - вырвалось у меня.

- О, ты тоже видел эти склады костей? Да уж. Стоит вспомнить о них, и восхищение нашими героями как-то немного отпускает.

- Уже не так расстраиваешься, что не был вблизи?

Марино грустно усмехнулся.

- Уже нет.

- Эй, ребята! - раздался голос сверху.

Мы запрокинули головы и увидели бородатое лицо, высунувшееся из-за перегиба. Это был Ченг.

- Если поторопитесь, вам достанется обед. А если нет, придется ждать ужина!

Мы нехотя поднялись и поплелись к каменной лестнице.

- А он тут освоился, - заметил Марино. - Командный голос приобрел.

Весь вечер и все утро следующего дня сабиняне разбирали катера. Приходили люди с разных стойбищ, выбирали себе подходящие детали, выдирали и уносили. Я был на подхвате, помогал то тут, то там. Больше, конечно, на женской работе – готовил, чистил, мыл, разделявал и коптил рыбу. За короткое время удалось повидать много людей, и в том числе тех, кого приходилось встречать на предыдущих стойбищах и во время переходов. Так, я снова встретил поэтессу Слип и влюбленного парня, который ухаживал за девушкой в Доме любви. Интересно, где она сейчас? И как скоро они вновь свидятся?

Раненые лежали в удобной (в сравнении с другими) полупещерной комнатке, расположенной неподалеку от кухни. Спальные места были под скальным потолком, а остальная часть прикрывалась тентом, сшитым из коровьих шкур. В дальнем конце тента, у вытяжки, был устроен очаг, и его постоянно подтапливали. Это было кстати, так как из-за ветра стало прохладно, а ночью снова шел дождь. Я носил туда еду и питье. За ранеными ухаживали женщины, некоторых из которых я знал; уже на следующий день появилась Абий – девушка с первого стойбища. Она поздоровалась со мной, как со старым знакомым, и сразу отправила за водой и свежими тряпками.

Над пологой скалой вился дым многочисленных коптилен. Теперь-то я знал, что кажущийся монолитным склон на самом деле весь изрезан ходами и круглыми ямками. В ямках разводили костры и коптили наш улов. Костры не успевали погаснуть, потому что мы все подбавляли и подбавляли им рыбу. На второе утро мы снова отправились на рыбалку, и со мной в лодке был Марино, а в соседней – Марк и Ченг. И на следующий день, едва проснувшись, мы снова побежали снаряжать лодки. Еды было вдоволь. Помимо каши, все обитатели стойбища ели рыбу. Один рыбак сказал мне, что до нашего прихода они не вылавливали так много, и что это мы, должно быть, принесли удачу. Это была слишком простодушная фраза, характерная для настоящих аборигенов, а не для этих опростившихся философов. Я подумал, что он нарочно сказал так, чтобы порадовать меня.

Был еще один костер. Он взвился дальше других, за лесом. Дым от него был густой и черный, и он долго стоял столбом над деревьями. Это сжигали тело Рапы – того парня, который погиб, стреляя в капитана катера. Я спросил у Треххвостого, есть ли у него родители. Он сказал, что мать умерла, но есть брат, тоже солдат, а еще отец – он тоже служит на Стене, но не оружием в руках, а по хозяйству. Я вдруг понял, кто это.

- Теше! Это старик, который отпирал нам дверь. То есть не старик, ему только пятьдесят пять. Он говорил, что у него двое сыновей в солдатах.

- Да, это несчастье, - кивнул Эгр.

- А его отпустят сюда, посмотреть на погребальный костер?

- Зачем ему это? – удивился Эгр. – Рапа ведь уже мертвый, на костре лежат обугленные кости. Тебе это кажется чудовищным, да? – спросил он, заметив мою реакцию. – Не стану спорить. Наверное, со стороны так должно казаться. Но Теше отлично знает, что другие люди похоронят его сына по обряду не хуже, чем сделал бы он. Душа его все равно не в этих костях, так что – какая разница...

Я так и не понял, что он в действительности чувствует. Он прекрасно умел понимать чувства людей внешнего мира, но одновременно был сабинянином, причем прекрасным сабинянином. Не значит ли это, что он раздваивался, смотрел на все одновременно с двух сторон? Тогда ему, должно быть, было еще печальней.

Иногда я видел Тошука. Он обнаружил на одном из катеров ноутбук со спутниковым передатчиком и, пока заряд батареи не закончился, вел «дипломатические переговоры» по поводу инцидента. На сей раз, как я понял, общественные и чиновничьи настроения больше склонялись в нашу пользу. Погибших в абсолютном исчислении было меньше: с вражеской стороны – трое, с нашей – один. И, хотя у нападавших погибло втрое больше, защитников у них поубавилось. Оказалось, даже в боевом ядре накануне атаки вышел разлад. Большинство после прошлого раза согласилось временно уgomониться, но радикальное меньшинство этого не поддержало. Морской десант готовился давно, были взяты в аренду катера (их владельцы, судя

по всему, не знали, на что они будут использованы, и что возвращение назад вовсе не гарантируется), и организаторам было обидно поворачивать назад. Изначально планировалось участие чуть ли не тридцати разнокалиберных судов, но в последний момент больше половины отказались. Сейчас в кустах, рядом с нашими лодками, лежал завернутый в тряпки труп убитого капитана катера. Семнадцать человек было взято в плен. Их разделили по одному и держали в жилых пещерах; при каждом все время находился кто-то из наших. Сначала я слышал громкие угрожающие крики, но потом они стихли: Гор сказал, что самым активным в первый день пришлось завязать рты тряпками. Потом тряпки сняли, но бунт уже не возобновлялся: пленные устали. Некоторые настолько успокоились, что их даже развязали. Но караулили все равно днем и ночью, постоянно сменяя охрану.

- Когда мы их вернем, они будут рассказывать, что их тут страшно пытали, - улыбался Гор, показывая рот со свежей дыркой от выбитого зуба.

- А что, планируется передача пленных?

- А как иначе? Если мы их не отдадим, то точно станем в глазах «мирового сообщества» кровавым диктаторским режимом, который надо совместными усилиями смести, чтобы спасти бедных пленных. Это только талибы в Афганистане могут себе такое позволить. Мы, увы, нет. Скоро будем передавать их через стену вместе с деликатесами.

- Какими деликатесами?

- Ну как же? Наш ежегодный обмен вкусняшек на утварь. Его решили в связи с пленниками перенести на пораньше. Чтобы не пришлось открывать дверь дважды. Хотя она и маленькая, а все же не хочется давать репортерам лишний повод.

Я вспомнил. Ну да, этот знаменитый обряд, в ходе которого жителей внешнего мира утонченно дразнят редчайшими морепродуктами, которые за Стеной давно стали легендами. Впрочем, такая продукция, как мясо белуги или калуги, и в Сабинянии явление штучное. Но ей очень нужны качественные металлические изделия, поэтому примерно четверть годовой добычи деликатесов идет «на экспорт». Однако я уверен, что выменять топоры и лопаты можно было бы и на банальную ставриду. Тем более, что Жак Бриньо – нынешний представитель того самого избранного семейства, которое имеет «золотой ярлык» на эту своеобразную торговлю с Сабинянией – более чем лоялен к нам, и наверняка бы согласился. Его исключительное положение посредника между таинственным заповедником и остальным миром и так приносит ему хорошие репутационные дивиденды. Так зачем же растрачивать драгоценную калужью икру на лопаты? Думаю, затем, чтобы похвастаться превосходством. Вот, смотрите, какое чудо есть у нас. У вас его нет и не будет. Но мы, презирая всякую экономическую конъюнктуру, почти даром отдаем его этому хитрому Бриньо, который наверняка потом сбывает все по цене в десять раз дороже. Что хотим, то и делаем, потому что понятие стоимости для нас ничего не значит!... Да, я уверен, что подоплека тут имена такая. Но я ничуть не виню моих друзей-сабинян за подобную слабость. Хотя, будь я Верховным... ну, тем, кто тут принимает решения... короче, будь я Сабиной, я бы отменил этот обычай. Все же не стоит дразнить зверя так откровенно.

Но почему слова Гора так встревожили меня? Вряд ли из-за деликатесов... И тут я сообразил.

- Ты сказал - чтобы дважды не открывать дверь... Выходит, нас выпроводят вместе с пленниками и рыбой? Наша экскурсия закончится?

Гор отвел глаза.

- Не знаю. Как решит Сабина. Она еще не решила... Но, наверное, это будет самое логичное.

Я умолк. Все вокруг вмиг подернулось серой пеленой, как старая цветная фотография, которая от времени теряет свои краски. Но сейчас все краски слетели разом. Неужели на этом – все? Я ведь только-только начал осваиваться, «врастать» в эту землю, перестал стесняться людей... И вот - уже на выход. Правда, никто не говорил, сколько продлится экскурсия. Неделю, две – никто не знал. Или я думал, что меня оставят здесь навсегда? Да, наверное, глубоко в душе я мечтал об этом. Но при этом был уверен, что такое невозможно, и оттого не боялся мечтать. Готов ли я порвать со своим старым миром и стать, как они, грязными работягами? И так на всю жизнь, вплоть до ниши в подzemелье. Да, будут небольшие радости в виде Дома любви. Но это - если мне повезет. Если меня будут любить. Хорошо быть выдающимся, исключительным сабинянином вроде Эгра или Гора! Они – солнце Сабинянии. А многие другие – просто покорные кроты. Из их жизней, как из кирпичиков, складывается легенда этого места, так же как из их душ – Единая Душа, Сабина. Но готов ли я стать бессловесным материалом для построения великого здания? Должно быть, нет. Что тогда? Значит, моя судьба – вернуться домой, чтобы всю жизнь потом сидеть у экрана компьютера и жалеть, что не использовал шанс? Правда, никто мне и не предлагает шанса. Но ведь я и сам не прошу. А не прошу, потому что не хочу и боюсь. Значит, все правильно? Значит, правильно. Но как же это грустно!

Я сидел и ждал, что Гор, по здешнему обыкновению, услышит мои мысли и что-то скажет в ответ. Но сейчас он молчал. Выходит, все и вправду решено.

- А через сколько дней планируется обмен... Когда обоз двинется к Стене?

Гор оживился.

- Еще пару дней порыбачим, закоптим рыбку. За это время из соседнего стойбища привезут осетрину.

Я припомнил. На спутниковых снимках хорошо были видны круглые рыбоводные садки в бухтах. Но, так как я не знал точно, где мы находимся, то не мог определить, насколько это близко от нас.

- Это там, за мысом, разводят белугу и калугу?

- Ага, наши главные редкости. Когда мы отдаем их Жаку за железки, блогеры брызжут слюной от негодования. Рыба стоит тысячи евро за килограмм, а мы отдаем ее непонятно как выбранному счастливчику почти даром! – усмехнулся Гор.

- Эти же журналисты уверяют, что семья Бриньо перепродает наши деликатесы со стократной наценкой, и калужья икра оказывается на столах олигархата. То есть как раз там, где ей положено быть согласно законам экономики.

Гор кивнул.

- Надеюсь, ты понимаешь, что эта стократная наценка оседает не в его карманы, а идет на благо Сабинянии?

- Мне хочется в это верить.

- Правильно, верь. Ты еще не знаешь всего. Точнее, ты не достаточно раскрыл глаза, чтобы видеть очевидное.

Я внимательно посмотрел на него. Мне предстоит напоследок услышать еще какую-то сенсацию? Но Гор продолжал, будто не заметив.

- Вобщем, сюда привезут осетров, мы увяжем их вместе с нашим лучшим уловом, поднимем на ноги сопротивляющихся пленников и двинемся вверх. По пути к нам добавятся обозы с других стойбищ. Всю дорогу мы будем бдительно охранять наших гостей, а они, в свою очередь, вдоволь кривляться, изображать страдания и пытаться при первой же возможности улизнуть...

- Такое уже бывало?

- И не раз. Потом мы дойдем до Стены. По ту сторону к тому моменту соберется уже человек пятьсот. А при нынешних обстоятельствах, боюсь, и больше. Бедный Жак! Надеюсь, его будет охранять полиция, как всегда. Но несмотря на это, его со всех сторон обступит толпа. Будут наседать журналисты, активисты всех мастей. Одни будут кричать, что он проданся кровожадным сабинянским жрецам, которые мучают своих братьев. Другие заявят, что он, наоборот, обманывает простодушных сабинянских дикарей, выменивая у них драгоценную рыбу за стеклянные бусы, и продавая потом втридорога. А третьи будут просто лезть со всех сторон, пытаясь завладеть таинственным, загадочным и совершенно на самом деле бесполезным запретным плодом – кусочком калужьего мяса. Говорят, в дикой природе калуг осталось всего несколько сотен особей, и это делает его особенно привлекательным.

- В неволе она тоже не очень-то приживается. Сколько их у вас плавает? Штук сорок-пятьдесят?

- Не считал. Кстати, как она тебе? Тянет на вес золота, которое у вас за нее дают?

Накануне вместе с кашей нам выдали по куску копченой осетрины. Вот он, сладостный бонус ко всем трудностям и лишениям естественной жизни! Но вкус меня, признаться, не впечатлил. Обычная ставрида была ничуть не хуже.

- Может быть, в ресторанах для олигархов ее как-то по-особому готовят? Но я ничего не понял.

Мы рассмеялись.

- Те из ваших, что помешаны на идее здорового питания, считают, что чем сложнее и экзотичней продукт, тем он полезнее. Наверное, они считают мясо калуги панацеей от всех болезней. Когда вернешься домой, не забудь рассказать всем, чем тебя тут на самом деле кормили.

Я улыбался и кивал, но внутри у меня словно камень придавил сердце. «Когда вернешься домой», сказал он. Значит, никаких вариантов. Я возвращаюсь.

<http://tl.rulate.ru/book/60095/1640437>